

Владимир
ИОРДАНСКИЙ

ДВА КРУГА
СОЛИДАРНОСТИ

ЭТНИЧЕСКИЙ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ФАКТОРЫ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

Владимир Иорданский

**Два круга солидарности.
Этнический и национальный
факторы в современном мире**

«Алисторус»

2012

УДК 323
ББК 66.5

Иорданский В. Б.

Два круга солидарности. Этнический и национальный факторы в современном мире / В. Б. Иорданский — «Алисторус», 2012

Национально-этнические проблемы заняли одно из первых мест в длинном перечне забот человечества. И это понятно: узлы национально-этнических противоречий затянуты столь туго, попытки их распутать стоят таких страданий, что трудно избавиться от впечатления, что на пути эволюции мирового сообщества возник тупик, выход из которого пока неизвестен. О путях выхода из этнического тупика рассуждает автор – ученый и журналист В. Б. Иорданский.

УДК 323
ББК 66.5

© Иорданский В. Б., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

От автора. Национальный вопрос, или боль рода человеческого	6
Глава первая. Этнос и нация	17
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Иорданский
Два круга солидарности.
Этнический и национальный
факторы в современном мире

© Иорданский В. Б., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

* * *

Галине Васильевне Иорданской

От автора. Национальный вопрос, или боль рода человеческого

Национально-этнические проблемы заняли одно из первых мест в длинном перечне забот человечества. И это понятно. Узлы национально-этнических противоречий затянуты столь туго, попытки их распутать стоят таких страданий, что трудно избавиться от впечатления, что на пути эволюции мирового сообщества возник тупик, выход из которого пока неизвестен.

Одной из главных причин роста напряженности в области национально-этнических отношений, по всей видимости, является конфликт между двумя историческими процессами: медленным, очень постепенным и трудным изменением существующих государственно-политических структур с их крайне жестким характером, с одной стороны, и тоже постепенным, но все же более быстрым, более взрывным ходом этнических трансформаций.

В национальной общности могут измениться силовые соотношения между составляющими ее этническими компонентами, в ходе сложных культурно-психологических процессов возникают новые нации и складываются новые полиэтнические конгломераты, но в то же время остаются прежними государственные границы, практически неизменно законодательство, регулирующее национально-этнические отношения, и наступает момент более или менее значительного несоответствия государственно-политических структур реальным сдвигам в области национально-этнических отношений. Тогда-то и зарождаются сепаратистские движения, закладывается основа острейших межнациональных конфликтов. Их особая опасность, как представляется, состоит в том, что этнос, нация, наконец, полиэтническое сообщество – это три основные формы организации общества, и такие конфликты неизбежно, словно в водоворот, втягивают всех представителей затронутых ими народов – от мала до велика.

Но есть, думается, и более глубокая причина. Нигде так не чувствуется близость архаики к современности, как в области национально-этнических отношений. Картина этих отношений – история, развернутая в пространстве. Итакой ситуации присуще некое новое качество – взрывчатый синтез архаики и модернизма, защищающегося традиционализма и агрессивного обновленчества. Архаика продолжает хватать человечество за ноги, во многом определяя его мировоззрение, межличностные отношения, нравственность. Освященные религией нормы нравственности в лучшем случае распространяются только на соплеменников, на лиц одной национальности, и много реже на лиц другого национально-этнического происхождения. Не случайно поэтому межэтнические столкновения всегда сопровождаются чудовищными жертвами, поистине звериным отношением к детям, женщинам, старикам, вообще к людям иной национальности. Часто говорят, что мы переживаем эпоху конца истории. Характер национально-этнических отношений, однако, таков, что правильнее было бы говорить о том, что человечество все еще не вступило в истинно человеческую историю. На его пути несмываемыми кровавыми пятнами лежат следы совершенных и совершаемых преступлений. Пожалуй, ближе к истине наблюдение одного из самых своеобразных современных писателей России Михаила Кураева, который в своем романе «Зеркало Монтачки» пишет:

«Заносчивое человечество привыкло восхищаться собой, смотрясь в зеркала побед и достижений, не умея при этом понять, что все еще находится в предсознательном состоянии и судьбами стран и народов по-прежнему правит непредсказуемая стихия. И сегодня, когда земной шар потрясается и трепещет, наблюдая, как рушится недостроенное гигантское здание *разумного мироустройства*, не самое ли время с надлежащей скромностью увидеть в этой катастрофе признак детского состояния ума, не умеющего проследить и понять связь причин и

следствий и чередующего бессознательный страх перед лицом неведомого с ощущением полной как раз безопасности перед лицом враждебных человечеству стихий»¹.

Своеобразие и Сходство

Несоответствие в человечестве нравственного состояния его научно-техническому потенциалу представляет собой в зародыше страшную опасность для будущего. Вместе с тем отравленность национально-этнических отношений ядом взаимной ненависти может породить наиболее серьезные предпосылки того, что эта потенциальная опасность трансформируется в реальную угрозу.

Обычно при встрече с человеком нетрудно угадать его национальность, даже если вы не слышали, на каком языке он говорит. Есть множество мелких, но безошибочных признаков, которые позволяют мгновенно сделать верное умозаключение. Однако если вы попытаетесь определить, чем человек одной национальности отличается от человека другой, то столкнетесь с едва ли разрешимой проблемой. Этнос всегда индивидуален и накладывает на каждого своего члена неизгладимый отпечаток, придавая человеку неповторимое национальное лицо; у этноса есть свой неповторимый стиль культуры. Одновременно между всеми народами существует некое глубинное сходство, предопределяемое общими закономерностями развития человечества. В частности, таким общим является характернейший признак этноса: он объединяет в единое сообщество людей, сознающих свою солидарную связь через принадлежность к неповторимой культуре, к духовной жизни определенного национально-этнического содержания.

При этом индивидуальность этноса не сводима ни к его культуре, ни к его духовным ценностям, ни к его характеру, но, проявляясь решительно во всех формах его деятельности, помогает народу осознать свое единство. Очевидно, что такая неповторимая индивидуальность не может возникнуть быстро, а вызревает в течение столетий, причем ее основные особенности обнаруживают, раз возникнув, устойчивость при самых трудных испытаниях. Так, Франсуа Вийон писал, в сущности, на другом языке, чем Верлен, но в их поэзии явственно ощутимы творческий гений и индивидуальность одного и того же народа – народа Франции. Вздвигнутый близостью двух поэтов, Осип Мандельштам отмечал: «Вибрация этих двух голосов поразительно сходная»².

«Слово о полку Игореве» нуждается в переводе, чтобы быть понятым современным русским, но в этой героической поэме заключена русская душа. И притягательность этой индивидуальности, ее сила или слабость на века предопределяют историю народа.

Каждый человек помечен какой-либо национальной метой, и этот знак – своего рода пропуск в то или иное этническое сообщество. Его важность для личности огромна. В древности он давал ей ощущение безопасности, а то и бессмертия, и отлучение от этноса рассматривалось как наказание более страшное, чем смерть, потому что такое отторжение убивало человека не в его физическом настоящем, а в его духовном будущем. Но и позднее в ощущении этнической солидарности личность находила защиту от тревог и потрясений повседневности. Чувство этнической принадлежности выглядело в его глазах святым, высоким чувством, и оно объединяло этнос, несмотря на сословные или иные противоречия.

Вероятно, следует отметить, что между субъективным представлением человека о родном народе и объективной картиной может существовать и обычно существует огромный разрыв. Там, где объективная мысль будет искать предпосылки сплочения этноса в существовании контролируемой им территории, в развитии контролируемой им экономической системы, в расцвете культуры, мысль субъективная, народная, более склонна в поисках консолидирую-

¹ Кураев Михаил. Зеркало Монтанки. – «Новый мир», 5, 1993 г., Москва, с. 63.

² Мандельштам О. Сочинения. Том второй. Москва, 1990 г., с. 134.

щего начала обращаться к голосу крови, к преданиям старины далекой, к религиозным верованиям, к мыслям об этнической чистоте. В безднах народной психологии обычно находятся корни представления о том, что этнос – высшая ценность, в сравнении с которой личность с ее притязаниями на автономию вторична.

И здесь история столкнулась еще с одним противоречием колоссальной важности: между старым представлением о верховенстве этноса и новым, о верховенстве личности. Ныне общественная мысль мечется между этими двумя системами ценностей, признавая то одну, то другую и не зная, как примирить их между собой и возможно ли вообще примирение этих двух столь конфликтных идей. Наиболее остро проблема возникает в странах, народы которых начинают создавать демократическую государственную систему, где принцип уважения прав человека, естественно, должен бы стоять во главе угла, но, в то же время, стремятся обеспечить в этом государстве доминирующее положение этноса, находящегося в большинстве, попирая тем самым права человека, если он «инородец». В некоторых отношениях политические и правовые системы в таких государствах могут быть сопоставлены с политическими системами в государствах с сословным обществом, где права каждого отдельного человека целиком зависят и зависят от того, к какому сословию он принадлежит. В иных современных государствах это определяется почти в такой же мере этнической принадлежностью человека. Иначе говоря, этническая принадлежность оказывается привилегией. Или, напротив, отрицательным признаком.

Такая ситуация, однако, и безнравственна, и иррациональна. Она становится своего рода возбудителем активной умственной работы: вокруг проблемы разворачиваются споры, сталкиваются различные мнения, и так продолжается до тех пор, пока справедливость не восстановлена, и пока разум, нравственность, рациональный и одновременно нравственный подход к проблеме не торжествуют. В качестве примеров можно вспомнить о спорах, которые шли в XIX веке в Соединенных Штатах вокруг проблемы рабовладения, о борьбе в русском обществе за отмену крепостного права или, скажем, феминистское движение в Англии. Существование социальной несправедливости предопределяет внутреннюю неустойчивость общественного сознания, которое именно через преодоление несправедливости стремится к внутреннему миру в обществе и к собственной гармонии. Нравственность, таким образом, оказывается мощным возбудителем общественной мысли, важным фактором постоянной перестройки национально-этнического самосознания.

На этом этапе происходит качественный сдвиг в жизни этноса: его самосознание существенно изменяется, становясь национальным самосознанием. В чем заключена разница? В сущности, национальное самосознание – это лишь новая грань в мировидении народа, но в то время как самосознание этнического типа склонно тяготеть к замкнутости, в новом доминирует открытость, если этническое самосознание имеет два подхода – один к «своим» и существенно другой к «чужим», то национальное нетерпимо к такому двойному подходу. Иначе говоря, если круг этнической солидарности охватывает только лиц одной «крови», то круг солидарности национальной шире и включает всех лиц, тяготеющих к культуре, языку, духовным ценностям этноса. В обществах, где доминирует национальный тип самосознания, складывается совершенно особая атмосфера терпимости. Этнос с таким самосознанием обладает громадной силой притяжения, и его способность к ассимиляции резко возрастает. Как правило, в одном народе сосуществуют два типа самосознания, причем в зависимости от конкретной исторической ситуации, от экономической и социальной обстановки на первый план может выйти то один, то другой из них.

Единый узел

Чрезвычайно опасно противоречие между мифологизированностью многих этнических представлений и рациональным, основывающимся на нравственности и праве, подходом к вопросам этнического развития. Мифологизированность видения собственной истории, мифологизированность видения собственного национально-этнического пространства, мифологизированность видения собственной национально-этнической индивидуальности – все это мощные возбудители патологии, которую можно назвать «националистическим головокружением». Не оно ли постоянно мешает поиску разумных и справедливых решений даже второстепенных проблем национально-этнических взаимоотношений?

И, наконец, противоречия между демократизацией национально-этнических отношений и демократизацией внутри самого национально-этнического сообщества. Речь в данном случае не о формальной, ограниченной правовой и политической сферами демократизации, а о нравственном развитии общества, отношения внутри которого должны безусловно подчиняться принципам уважения достоинства и прав личности. В этом нравственном развитии – серьезнейшая преграда вспышкам шовинистической иррациональности и человеконенавистничества. Но возможно ли оно в обществах, где остается сильной социальной несправедливость, где в то же время сознание тысяч людей находится в плену архаичных представлений?

В русском общественном мнении influentially понимание национального вопроса как одного из проявлений антагонистического устройства общества. Выразительно и четко эту позицию изложил публицист Борис Славин. Разъясняя, в чем суть национального вопроса, он писал:

«Если отвечать кратко, он выступает проявлением национального неравенства людей, обусловленного антагонистическим устройством общества. Это вопрос об угнетении одной нации другой. Он возникает в истории в эпоху становления капитала, образования национальных государств и мирового рынка, порождающего конкуренцию и антагонизмы не только между людьми и классами, но и между целыми народами и государствами. Отсюда значит: пока сохраняются эти условия, будет существовать и этот вопрос»³.

Но сводима ли история человечества к истории развития классовых противоречий, а история наций и их становления – к истории преодоления национальных противоречий, возникающих на почве антагонистического общественного устройства? Думается, это важная часть, но всего лишь часть истории человечества.

В национальном вопросе в один узел сходятся едва ли не все проблемы эволюции общества. Это предопределяет его исключительную сложность. Не является ли сутью национального вопроса проблема становления национальной индивидуальности во всем богатстве и разнообразии ее культурной, духовной жизни, во всем богатстве и разнообразии ее традиций? И как часть этой общей большой проблемы – то, как складываются, на каких основаниях, межнациональные отношения? Вероятно, нельзя не учитывать и такого фактора, как все то в жизни и развитии человечества, что находится за порогом нашего знания, чего мы не знаем и не понимаем, но что, тем не менее, существует и воздействует на ход истории, на состояние межнациональных отношений и на национально-этнические процессы. Вот это непознанное и неосознанное нами должно побуждать каждого к повышенной осторожности и в мыслях, и тем более в делах при подходе к данному комплексу проблем.

В масштабе человечества национальный вопрос встает в противоборстве двух тенденций. Обе они объективны, обе реализуются в воле, поступках миллионов людей. Первая – в движении наций к самоопределению и независимости, вторая, напротив, в движении к образованию

³ Славин Борис. Азбучные истины национального вопроса. – «Правда», 29.03.1994 г., Москва.

крупных полиэтнических общностей, к формированию мощных «супернаций», где органично сращены этносы различных традиций и культур. Какая из них окажется преобладающей, какой принадлежит будущее?

В конечном счете, и у первой, и у второй тенденции есть явственная общая цель – преодоление всех, старых и новых, форм национально-этнического порабощения, неравенства, иначе говоря, демократизация межнациональных и межэтнических отношений, их гуманизация. Оправдан вопрос, какой путь предпочтительнее с точки зрения этой высшей задачи? Ни независимое развитие наций, ни их сотрудничество в рамках «супернаций» сами по себе еще не обеспечивают успеха. В первом случае торжество одного народа слишком часто оборачивается унижением другого, сопровождается усилением националистических настроений, ведет к диктатуре враждебных демократии сил и к экономическому застою. Национально-освободительные движения с ярко выраженной этнической доминантой быстро исчерпывают свой демократический потенциал, давая жизнь авторитарным, а то и тоталитарным режимам.

Однако и во втором случае очевидна опасность ущемления прав национально-этнических меньшинств, велик риск этнических столкновений. Сами по себе структуры «супернации» не дают достаточных гарантий демократизма или экономического процветания. У каждого пути есть, следовательно, свои опасности. Почему важно объективно выявить минусы каждого из вариантов развития? Пожалуй, тогда становится яснее, что следует не противопоставлять одну линию национальной эволюции другой, а, признавая историческую оправданность обеих, делать максимум для того, чтобы они не наталкивались на насилие, а проявлялись свободно.

Общая цель двух тенденций – это своего рода сверхзадача истории. В непосредственной же перспективе борьба ведется вокруг конкретных политических и экономических задач, причем борьба беспощадная, жестокая. Не прекращается и жаркая полемика между сторонниками этнического размежевания и сторонниками надэтнических формирований. Не потому ли столь яростны и шумны эти споры, что в общественной жизни редко кому удастся поколебать уже сложившиеся в народе взгляды, и участникам дискуссии больше приходится рассчитывать на эмоциональность толпы, чем на ее разум? «Правоту» идеи, которая овладела массами, не поколебать никакими доводами, и лишь после того, как она изживает сама себя, разрушенная собственными противоречиями, будут услышаны и другие, более тихие, но и более разумные голоса. Однако, хотя может показаться, что эмоциональный перегрев лишает доводы участников дискуссии какой-либо интеллектуальной ценности, именно в такие времена жарких и острых схваток, втягивающих в умственную жизнь все слои народа, общественная мысль и делает реальный шаг вперед.

В периоды кризиса он бывает особенно необходим. Этот шаг остается и доказательством, и условием того, что человечество найдет в себе силы переступить через нынешнюю полосу глобальной национально-этнической разобщенности, открыть для себя новые перспективы развития. А сомнение в том, что у него хватит на это сил и разума, оправдывают многие трагические события XX века. Нынешний кризис национально-этнических отношений обусловлен не только патологиями, которыми страдает современное общество, не только страхами, порождаемыми осознанным и неосознанным предчувствием мировой катастрофы, не только обострившимися до опасного предела экологическими, демографическими, продовольственными, военными и иными проблемами. В его основе – ломка исторически сложившихся отношений между народами, обусловленная колоссальными изменениями в условиях существования человека в мире.

Под воздействием ранее невиданных по масштабам массовых миграций на всех континентах наблюдается во многом сходное явление: этническое пространство утрачивает однородность своей структуры, оно становится как бы «пористым», включая более или менее крупные инородные вкрапления. Все чаще случаи, когда количество мигрантов, находящихся за

пределами собственной этнической территории, почти равно, а то и превышает численность остающейся в собственном этническом пространстве части этноса. И наоборот, количество пришельцев приближается к массе коренного населения. Такая тенденция вступает в противоречие с тяготением к этнической замкнутости, к этническому отгораживанию.

А одновременно резко обостряется противоречие между отношениями этноса к своим правам и степени его готовности признавать права другого этноса. Народ, который на себе испытал национальный гнет, пережил времена национального унижения, добившись свободы, вдруг выделяет из своей среды палачей и угнетателей по образу и подобию тех, кто его казнил и угнетал. Стремление к свободе национальных меньшинств в таких этносах зачастую подавляется с поразительной по жестокости беспощадностью. Складывается впечатление, что годы угнетения были для них не школой гуманизма и терпимости, а школой насилия. На этой почве в ходе процесса демократизации этнических и национальных отношений парадоксальным образом возникает и стремительно набирает силу дух воинственной агрессивности и вместе с ним – недоброжелательность по отношению к соседям. Две меры, два подхода проявляются и в сфере межгосударственных отношений, неизбежно их отравляя.

Разумная воля и стихийное начало

Пройдя через массовое сознание, даже глубоко научная система взглядов обретает черты утопии. Это тем более верно, когда речь идет о национальной либо религиозной идее. К тому же нельзя не задаться вопросом, какая социальная, политическая, наконец, международная сила способна вмешаться в исторический процесс и придать ему направление, которое изначально не было бы искривлено коллективным эгоизмом или неправильно понятыми национальными интересами. Слишком часто за политическими решениями скрывается либо воля своекорыстного социального блока, либо интересы манипулируемого этнического большинства, и их претворение в жизнь ведет к бедам и несчастьям тех, за чей счет это делается. В конечном счете, не совокупность ли таких решений в разных областях земного шара и привела к нынешнему кризису цивилизации?

Правда, идея активного включения в исторический процесс регулирующего начала основательно скомпрометирована опытом социально-экономического эксперимента в СССР и ряде других стран. Тоталитаризм как попытка сделать историю «умной», целиком подчинив исторический процесс воле одного класса или привилегированного этноса, исчерпал себя, хотя было бы наивностью исключать возможность повторения тоталитаристского эксперимента в какой-то новой идеологической окраске. Академик Н. Н. Моисеев подчеркивал:

«Навязывание процессу общественного развития системы догм и унифицированных целей по-настоящему вредно и опасно для судеб миллионов людей. Слепое следование любым догмам чрезвычайно сужает возможность развития вида *homo sapiens* чисто в эволюционном плане – разумеется, речь идет о надорганизменных образованиях, т. е. о развитии общественной организации. Но главную опасность я вижу в другом. Догматическая регламентация деятельности снижает личностный потенциал общества, т. е. возможность личности проявить себя. А это один из самых опасных источников деградации общества»⁴.

С ходом времени это предостережение становится лишь более актуальным. Нельзя не заметить, что компьютеризация всех сфер экономики, вторжение информатики в культуру, в духовную жизнь и в творчество человека многократно усиливает соблазн тоталитаризма. Казалось бы, наконец появилась возможность «взнуздать» историю, подчинить человеческой «умной» воле ее стихийное начало. Этот соблазн может оказаться чрезвычайно опасным,

⁴ Моисеев Н. Н. Идеи естествознания и общественные науки, М., 1992 г., с.43.

поскольку за любыми популяризациями подобного рода скрываются иррациональные утопии, идеологические aberrации, а то и откровенное самодурство какого-либо диктатора.

Тем не менее, как ни ясна губительность догматического или своекорыстного вторжения в стихийный общественный процесс, очевидна и опасность того, что преодоление возникших общемировых проблем будет брошено на самотек. Поиск гармоничного сочетания волевого разумного вторжения в исторический процесс и стихийности – одна из самых сложных практических задач современности.

Может быть, полезен опыт глубокой архаики, когда людские сообщества обеспечивали свое выживание, свой внутренний мир с помощью разветвленной системы многообразных запретов, основывающихся на основных нравственных нормах? Среди таких табу на одном из первых мест должен бы находиться запрет предоставления привилегий по этническому признаку. Не менее важно не допускать ущемления прав личности по той же причине. Безнравственно утверждение превосходства одного этноса над другими, в какой бы форме это ни происходило. И на этой базе следовало бы изучить возможность недопущения любых законодательных и административных дискриминационных мер в сфере национальных отношений. Если учесть, что прочность государственного здания в значительной степени зависит от того, в какой мере обеспечено равенство прав и обязанностей всех граждан, осуществление этой задачи должно бы стать одной из главных в программе всех демократических сил. В то же время, ущемление свободы слова, в конечном счете, контрпродуктивно. Распространение расистской идеологии запретами, скажем, запретами на издание газет или книг, не остановить. Напротив, такие меры лишь вызывают дополнительный интерес: запретный плод сладок.

Сила национализма в том, что его питают решительно все движения народного настроения – и чувство унижения, и чувство величия, и чувство отчаяния, и чувство полной уверенности в своих силах, и чувство солидарности, и чувство отторженности от коллектива, и готовность к самопожертвованию, и корыстный эгоизм. Питают его и темнота вокруг и яркий свет, и убогость мысли неразвитого ума и прозрения философов. Но особенно национализм крепнет в эпохи, когда после более или менее затяжного периода покоя наступает время бурных перемен, что и наблюдается сегодня едва ли не повсеместно.

В то же время, как представляется, проблемы, затрагивающие отношения между народами, будь то на уровне межличностном, межобщинном или государственно-национальном, изначально могут решаться только с позиций общечеловеческих нравственных норм, при строго рациональном отношении. В угаре эмоций, оставаясь пленником коллективного эгоизма, а национализм – одна из его наиболее одиозных форм, найти справедливый выход трудно. Тогда сохраняется только насильственный вариант решения. Исторический опыт, однако, подтверждает, что цена этого варианта в людских жизнях, материальных ценностях и духовных утратах рискует оказаться безмерно высокой.

Систему прежде всего нравственных табу не может не продолжать программа положительных мер. В этой области, как показывает опыт Советского Союза и других многонациональных государств, особую опасность представляет явление, которое можно бы назвать правовым формализмом. Внешне он выглядит весьма демократически, но на практике, в повседневной жизни ведет к фактическому ущемлению интересов, а затем и прав этнических меньшинств, поскольку и экономически, и культурно, и социально они сплошь и рядом находятся в бедственном положении и нуждаются в дополнительных мерах по своей защите, в дополнительной помощи.

Проблема эта очень часто оказывается в центре межэтнических столкновений.

Два противоречия

Существуют два противоречия, на которые постоянно наталкиваются попытки решения национального вопроса, причем прежде всего именно в кризисные моменты его обострения. Первое – между правом нации на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, нерушимости его границ. Второе – между принципом равенства граждан, вне зависимости от их национальной принадлежности, и их фактическим неравенством, в зависимости от того, к какому этносу они принадлежат – находящемуся в большинстве и потому привилегированному или к находящемуся в меньшинстве и уже в силу этого зачастую ущемленному.

Думается, оптимальный способ преодоления первого противоречия был подсказан историей, когда она создавала огромные территориально-этнические конгломераты в рамках единых государственных образований. Таких образований еще немало сохраняется в мире, хотя многие из них переживают трудные времена. В этих гигантских государственных блоках каждый этнос развивается в значительной степени независимо, свободно расселяясь по всей государственной территории. Он сам решает свою судьбу. Конечно, сплошь и рядом стихийно складывающиеся отношения между этносами отражают объективно существующее неравенство их возможностей: различия в численности, уровне культурного развития, в экономическом потенциале. Иногда политический режим закрепляет господствующее положение одного этноса в ущерб интересам других, иной раз более развитых этнических групп. Вместе с тем, этнос, находящийся в меньшинстве, нередко оказывается пленником навязанных ему иллюзий, жертвой ловких манипуляций со стороны своих духовных лидеров. И, когда добивается реализации своего права на национальное самоопределение, добивается выхода из наднационального государственного образования, то из одной исторической ловушки, в значительной мере вообразимой, попадает в другую, более реальную: разрыв исторических связей с соседями приводит к жестоким экономическим потрясениям, резкому сокращению жизненного пространства, которое отныне определяется новыми государственными границами, большей или меньшей культурной и экономической изоляцией.

Бывают, тем не менее, ситуации, когда сохранение давних форм межнационального сосуществования невозможно, и разрыв неизбежен. И здесь на пути справедливого решения вопроса, как правило, возникает труднопреодолимое препятствие – принцип нерушимости государственных границ, принцип территориальной целостности государства. На практике речь обычно идет о смешении в общественном сознании представления о собственном этническом пространстве с понятием государственной территории и о ее мифологизации.

Такое смешение чрезвычайно опасно. В результате сепаратистские «поползновения» этнического меньшинства или меньшинств воспринимаются большинством населения как посягательство на его этническое «священное» пространство, их законность решительно отрицается. Возникает трагический тупик репрессий и контррепрессий, поднимаются волны кровавого насилия, и постепенно складывается перегретая эмоциональная атмосфера, в которой поиски справедливого разумного решения оказываются исключительно трудным делом.

Нельзя не задуматься, терпимо ли вообще противопоставление двух начал – территориального и этнического? Разве позволительно превращать идею незыблемости территориальных границ в своего рода непреодолимый барьер на пути народов к самоопределению? К тому же, не без влияния смешения представлений об этническом пространстве и государственной территории возник метод вытеснения, выдавливания иноэтничного населения с государственной территории, воспринимаемой господствующим этносом как собственное этническое пространство. В результате этнических чисток возникли массовые миграции населения в Закавказье, в

странах Прибалтики, на территории бывшей Югославии. Их ареной становится Африканский континент.

Ситуация выглядит поистине безысходной, когда и меньшинство в своем стремлении к отделению и образованию собственной национальной государственности начинает абсолютизировать еще недавно чисто административные, случайно проведенные линии размежевания с соседними территориями. Естественно, в такой позиции трудно найти какую-либо логику, кроме логики этнического эгоизма.

От отождествления своего этнического пространства с территорией всего государства не свободны ни большие, ни малые этносы. Размер этнической группы мало влияет на ее психологию.

Что касается политических элит, то они по многим причинам склонны к чисто варварскому пренебрежению интересами меньшинств. Обрекая эти меньшинства на полную невозможность освободиться, принцип территориальной целостности закрывает перед ними историческую перспективу. Он замораживает этническую ситуацию в некой точке ее развития. Но допустимо ли это? Ведь поток жизни, в любом случае, не останавливается. В конечном счете, история, выраженная в народной воле, в народной решимости, проложит себе дорогу. Так целесообразно ли множить на ее пути препятствия, преодоление которых оборачивается колоссальными человеческими жертвами?

Вряд ли оправдана и абсолютизация права нации на самоопределение вплоть до отделения, неизбежно вступающего в конфликт с принципом территориальной целостности. В его декларировании иные круги усматривают чуть ли не приглашение к выходу из полиэтнического сообщества, разрыву с ним в то время, как следовало бы, напротив, ориентироваться на поиск противоположной перспективы – перспективы сотрудничества. Вместе с тем, реализация этого права одним народом неизбежно ведет к ущемлению жизненных интересов и прав других народов, связавших с ним в рамках единого государства свою судьбу. Думается, значительно важнее для каждой национальной группы в государстве было бы провозглашение права на равенство и его обеспечение конкретными конституционными положениями. И, наконец, при урегулировании межнациональных разногласий вряд ли вообще допустим отход от мирных методов. В тех случаях, когда находящаяся в меньшинстве этническая группа в ходе референдума, не подвергаясь шантажу или иным формам запугивания прежде всего со стороны собственных экстремистских кругов, но также и со стороны большинства, все-таки высказывается за отделение, ее воля должна уважаться этим большинством, и условия разъединения и формы дальнейшего сосуществования меньшинства и большинства следует искать в ходе переговоров. Что же касается вошедших в мировую практику этнических чисток, то они, как проявление геноцида, являются преступлением против человечества. Им не может быть оправдания.

Конечно, национальные движения, несмотря на зачастую высокую степень более или менее скрытого манипулирования, стихийны и далеко не всегда поддаются вводу в какие-либо правовые рамки. И все же, если участники этих движений видят, что их интересы встречают понимание и уважаются, они сами не станут доводить дело до крайностей. Вряд ли допустимо забывать, что и характер межэтнических отношений, и перспективы их оздоровления в случае кризиса, прежде всего и главным образом, зависят от позиции доминирующей в государстве нации, от ее терпимости, уважительности, демократичности подхода.

Что касается второго противоречия, то суть вопроса в том, что реальное наполнение прав граждан различно в зависимости от очень многих факторов, среди которых свое место занимают и факторы этнические. На первый план выходят проблемы культуры, языка, экономического положения, поскольку в первую очередь именно они определяют, в какой мере гражданин способен воспользоваться своими формальными правами. Скажем, представитель этнического меньшинства может не знать государственного языка, а этнос, к которому он принадлежит,

занимает отдаленную территорию и слишком беден, чтобы обеспечить должное образование всех соплеменников. В таких условиях его гражданство оказывается чисто формальным, следить за жизнью своего государства он не в состоянии. Более того, этнос в целом может быть слишком малочисленным, слишком отсталым в культурном отношении, чтобы уметь отстоять даже самые насущные интересы своих сограждан перед лицом большинства.

Думается, в таких ситуациях формальной демократии бывает далеко недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие реального демократизма. В Советском Союзе пытались обеспечить такую компенсацию, идя на создание различных национальных государственных образований, где меньшинства чувствовали бы себя господами положения. Правда, в этой работе допускалось слишком много формализма, да и авторитарное перерождение власти помешало ее успеху, но сам замысел был гуманен и честен.

Сейчас советскую власть упрекают в том, что, образуя различные национальные автономии, она-де способствовала этнизации общественного сознания. Пожалуй, такое обвинение фальшиво. Насколько известно, за исключением резерваций для индейцев, в Соединенных Штатах нет государственно-административных образований по национально-этническому признаку, однако процесс этнизации сознания там зашел весьма далеко, а вспышки этнических конфликтов, скажем, в Лос-Анджелесе, в Детройте и ряде других городов США заметно превосходили по силе, по масштабности все, что когда бы то ни было наблюдалось в Советском Союзе. И это вряд ли являлось случайностью. В Советском Союзе, при всей авторитарности власти, процессы демократизации общественной жизни и межэтнических отношений были глубокими. Напротив, в Соединенных Штатах, стране с многовековыми традициями парламентской демократии, демократизация общественных и межнациональных отношений забуксовала на определенном пороге. Не приходится спорить с тем, что создание в Советском Союзе национально-этнических автономий в ряде случаев благоприятствовало этнической консолидации и развитию национально-этнического самосознания. Но этот процесс имел объективный исторический характер, и, видимо, заслуживает положительной оценки то обстоятельство, что в определенную эпоху политика властей несколько его опережала: она не тормозила процесс, что сразу же породило бы нарастание националистических эмоций, а расчищала для него дорогу.

И вряд ли случайно резкое ухудшение национально-этнической атмосферы началось после того, как в России и сопредельных странах стали свертываться процессы демократизации: заметно ухудшилось положение в сфере образования, где появление платных школ знаменовало вторжение туда принципа классовости, в культурной жизни обозначилось сокращение спроса на книги и падение посещаемости театров и концертных залов при взрывном распространении идей и взглядов, считавшихся дикими еще нашими прадедами, началось внедрение психологии социального неравенства и культа богатства, при одновременном значительном откате назад в области общественных отношений, поскольку на реальную власть стала претендовать узкая прослойка нуворишей, беспощадно обирающая основную массу своих соотечественников. Очевидно, что определенную роль играли и другие факторы, в особенности приватизация.

С позиций нравственности

Вероятно, и демократизация не в состоянии решить национального вопроса, но она явственно притупляет его остроту. Дело в том, что, расширяя возможности выбора для каждой личности, она тем самым ослабляет значение этнической солидарности. Иначе говоря, демократизация создает альтернативу этой солидарности. И эффект от сопровождающего демократизацию раскрепощения личности обычно огромен. Люди, которые раньше и мечтать не могли бы о творческой либо научной деятельности, об артистической карьере, получают возможность

реализовать свой природный потенциал, что, в конечном счете, способствует стремительному рывку вперед всей национальной культуры, всего общества, выходу на более высокий уровень сложности всего общественного сознания.

Насколько можно судить, демократизация общества и, как следствие, демократизация межэтнических отношений остаются наилучшим найденным историей способом подхода к национальному вопросу. Но очевидно, что такая демократизация – это определенный социальный проект, за которым не могут не стоять и определенные социальные интересы.

Казалось бы, это еще одно глобальное, тупиковое по своему характеру противоречие. Но сама история вроде бы начинает нащупывать выход из складывающейся ситуации.

Нет нужды доказывать, что это кольцо противоречий, а их перечень можно бы продолжить, нелепо разорвать каким-то одним волевым решением, каким-либо волюнтаристским вмешательством в исторический процесс. Но вполне реально ставить задачей введение процесса демократизации национально-этнических отношений в определенные, достаточно жесткие нравственно-правовые рамки, позволяющие пресекать его экстремистские проявления. И именно в этой области выглядит достижимым некий уровень международного согласия, который позволил бы разработать, одобрить и проводить в жизнь кодекс норм межэтнических и межнациональных отношений, закрепленный в декларации, аналогичной Декларации прав человека и гражданина.

Если в результате и не удастся преодолеть нынешнюю разобщенность человечества, то рассчитывать на оздоровление в сфере национально-этнических отношений допустимо. А это позволит, в свою очередь, сделать шаг к выходу из нынешнего, сумеречного, периода человеческой истории. В это хотелось бы верить.

Глава первая. Этнос и нация

В примечаниях ко 2-му тому Сочинений И. В. Сталина сообщается, что название статьи «Марксизм и национальный вопрос» было первоначально иным. В журнале «Просвещение», где она впервые опубликована в 1913 г., статья озаглавлена «Национальный вопрос и социал-демократия». Годом позже она появилась отдельной брошюрой опять-таки с новым заголовком – «Национальный вопрос и марксизм»⁵.

Автор, очевидно, гордился своей работой, и в изменениях ее названий видно, как он постепенно выпячивал ее теоретический аспект. Если первоначальным заголовком определялось, что темой исследования был подход социал-демократии к национальной проблеме, если вторым уже подчеркивалось место национального вопроса в общей системе марксистской теории, то окончательный вариант названия указывает, что в статье раскрывается марксистское понимание национального вопроса.

Так не лишенная достоинств, местами интересная, но одновременно схоластичная, начетническая статья постепенно возносилась на пьедестал выдающегося достижения теоретической мысли. Тщеславие, самооценка автора возрастали с каждым шагом вверх по иерархической лестнице. Когда же он достиг вершины, содержащееся в его достаточно скромном труде определение нации стало настойчиво внедряться в сознание народов Советского Союза. И, думается, это не прошло бесследно. Догматизм теоретических конструкций И. В. Сталина опасно совпадал со склонностью его сознания осмыслять действительность в полярных черно-белых тонах. В периоды обострения межэтнических отношений отчетливо видно, как идеологи этнических движений абсолютизируют отдельные признаки нации из определения Сталина. Вот почему освобождение от гипноза выработанной им формулировки важно не только для теории национального развития, но прежде всего необходимо для практической работы, для очищения атмосферы межэтнических отношений от ложных стереотипов.

Одним из первых марксистов, сделавших шаг в этом направлении, был крупный французский востоковед-арабист М. Роденсон. В статье «О марксистской теории нации»⁶ он убедительно раскрыл слабые, уязвимые стороны концепции И. В. Сталина. Им было высказано несколько замечаний. Прежде всего, исследователь обратил внимание на то, что документация автора об образованиях национального типа «скудна». М. Роденсон напомнил, что Сталин провел в Вене два месяца, изучая с помощью Бухарина и Трояновского труды главным образом австрийских марксистов по национальному вопросу. Подобная ориентация его работы объяснялась тем, что австрийские социал-демократы активно обсуждали проблемы автономии национальных меньшинств, волнующие и русских марксистов.

«В этой полемике, – отмечал французский ученый, речь шла о доказательстве того, что автономия национальных меньшинств России не могла мыслиться без определенной территориальной базы этих меньшинств и что партия могла быть организована только на основе территориальных подразделений. Сталин счел необходимым выработать общую теорию, согласно которой территория остается, повсюду и всегда, признаком нации».

Исследователь утверждал, что, вопреки широко распространенному мнению, В. И. Ленин не слишком высоко ценил сталинскую работу. «Никогда, ни в одной из своих статей по национальному вопросу, – писал в подтверждение своего вывода М. Роденсон, – он не возвращается к сталинскому определению (нации. – В. И.). Еще важнее то, что в своих доводах он многократно занимает позицию, прямо противоположную сталинской». По мнению уче-

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Том 2, Москва, 1946, с. 402.

⁶ Rodinson M. Sur la theorie marxiste de la nation. «Voies nouvelles», 2/1959, Paris, pp.25–30.

ного, И. В. Сталин дал определение типа нации, характерного для Западной Европы в эпоху капитализма.

«Но схематическая жесткость его подхода имеет очень существенный недостаток, замораживая понятие, которое требуется определить, навязывая ему безупречную стройность, поистине метафизическую неизменность», – отмечал М. Роденсон.

С выводами этого ученого перекликались суждения о сталинской работе крупного южноафриканского марксиста Дж. Слово. Тезис Сталина по национальному вопросу, утверждал он, мог иметь ценность в конкретных условиях Австро-Венгерской империи после ее развала и последовавшей национальной перегруппировки и был важен при решении национального вопроса в Советском Союзе. Но его применимость в обстановке Южной Африки и даже в обстановке большей части Африканского континента, в лучшем случае, сомнительна⁷.

Дж. Слово вспоминал, что в 1932 г. Коминтерн призвал коммунистическую партию Южной Африки выдвинуть такой лозунг:

«Полная и немедленная национальная независимость для народов Южной Африки. За право зулусов, басуто и других наций образовать их собственные республики. За добровольное объединение африканских наций в Федерацию независимых туземных республик».

Этот лозунг представляется ему глубоко ошибочным. По его собственному убеждению, «несмотря на культурное и расовое многообразие, Южная Африка не является многонациональной страной. Это нация в процессе становления, в процессе, который через борьбу продвигается вперед и может быть полностью завершен лишь после поражения расистской тирании. Концепция одной и единой нации, охватывающей все наши этнические общины, остается практически бесспорной целью освободительного движения».

Подчеркивая, что южноафриканский пример далеко не единичен, Дж. Слово говорил о том, как рассматривался национальный вопрос в партии ФРЕЛИМО в Мозамбике, стране с множеством различных племенных групп. Он цитировал высказывание одного из лидеров этой партии, Марселину душ Сантуша, сделанное тем в 1973 г. Тот утверждал:

«Основные условия для успешного изживания (трибализма) налицо. По общему вопросу, сформировали ли мы уже нацию в подлинном смысле слова, хочу сказать, что нация основывается на конкретной действительности. А самой важной ее чертой на нынешней стадии в Мозамбике является битва против португальского колониализма. Наша общая борьба против угнетения играет выдающуюся роль в создании национальной связи между всеми группами и культурами... Конечно, нация является продуктом истории, и ее формирование проходит через различные стадии. В этом смысле работа по конечному достижению национального статуса будет продолжаться и после независимости, хотя его основные моменты в Мозамбике уже существуют и продолжают дальше развиваться»⁸.

Дж. Слово, в сущности, противопоставлял узкоэтническому подходу Сталина к проблеме нации значительно более широкий взгляд, требующий учета классовых, политических, наконец, конкретно-исторических факторов. Он замечал, что после Ленина возникла тенденция придавать основное значение культурно-лингвистическим (этническим) факторам в ущерб классовому подходу.

«Сплочение или разобщение рыхлых этнических групп, – писал Дж. Слово, – в одну или же несколько суверенных целостностей не может оцениваться на основе каких-либо универсальных формул того, что же образует нацию. Революционер знает, что на вывод влияют значительно более сложные политические соображения, чем содержащиеся в любом перечислении обычных «национальных» признаков»⁹.

⁷ Slovo Joe. The South African Working Class and the National Democratic Revolution. Lusaka, p. 27.

⁸ Slovo Joe. Op. cit., p. 28.

⁹ Slovo Joe. Op. cit., p. 29.

Столкновение двух мнений, двух подходов отнюдь не ограничивалось теорией. Для южноафриканских коммунистов, для многих государственных и политических деятелей других регионов Африканского континента определение нации имеет исключительно важное практическое значение. Вместе с тем, трудно не заметить, что от региона к региону сам этот термин начинает прилагаться к совершенно различным образованиям. Возникает вопрос: если справедлива критика позиции Сталина за узкоэтнический подход к проблеме, то не совершает ли ошибки и сам критик, называя нацией любое полиэтническое сообщество народов, пусть основывающееся на единстве экономических, политических и иных интересов? Понятие «нации» начинает выглядеть как кафтан, который в одних случаях слишком узок, в других – слишком широк.

К сожалению, Дж. Слово, указав, что сталинское определение не соответствует реальности Южной Африки, на этом прекратил его критический анализ. К слову сказать, М. Роденсон также высказал мнение, что сталинская формулировка неприменима к ситуации в арабском мире. И тоже на этом утверждении заканчивает свое развенчание сталинской работы. Таким образом, оба исследователя, решительно отвергая притязания национальной теории Сталина на универсальность, тем не менее, признают ее значимость в конкретной ситуации Европы, России начала века. Но, может быть, эта теория потому и не является универсальной, что страдает какими-то существенными изъянами? И так ли уж она применима в европейских и в российских условиях?

Внутренняя неоднородность

Сталин заявлял, что нация – это общность людей. И уточнял, что речь идет об устойчивой, исторически сложившейся общности, в основе своей – не расовой и не племенной. В подтверждение своей мысли он указывал, что нации образовывались из смешения различных народов.

Но следующего шага Сталин не делает: он не уточняет, что практически всегда такая общность внутренне неоднородна. Так, у тех или иных составляющих нацию групп степень развития национального самосознания бывает весьма различной. Эта особенность наиболее заметна у крупных этносов, занимающих большую территорию, отдельные районы которой слабо между собой связаны и экономически развиваются неравномерно. Обособленность отдельных территориальных групп иной раз становится столь значительной, что возникает реальная перспектива их превращения в независимые, самостоятельные нации. Так, англосаксонские переселенцы образовали ядра, вокруг которых сложились североамериканская, австралийская, новозеландская и некоторые другие нации.

Вместе с тем, внутри многих молодых этносов легко прослеживаются пережитки бывших племенных образований. К примеру, один из крупнейших этносов Нигерии, йорубский, включает эмба, живущих вокруг города Абеокута, расселенных по территории восьми йорубских княжеств иджебу, экити, илеша, и целый ряд других подгрупп, отличающихся друг от друга диалектом, особенностями культуры, традициями. Хотя подавляющее большинство йорубов тяготеют к объединению, исламизированные йорубы в районе города Илорина, на реке Нигер, ревниво сохраняют свою обособленность.

Сходная картина наблюдается у соседей йорубов – бини. В их обществе еще недавно сохранялись глубокие следы родоплеменного уклада: мужское население разделено на возрастные классы, причем обычно их три – юноши, полноправные общинники, старейшины. В родственных отношениях явственно начало патрилинейности, когда старший сын наследует собственность, титулы, привилегии и обязанности отца; существует жесткое разделение трудовых обязанностей между мужчинами и женщинами, которым закрепляется подчиненное положение.

ние женщины. Местное название города Бенина, Эдо, дало название и языку этого этнического сообщества, относящемуся к западно-суданской группе ква.

Объединение в едином государстве, королевстве Бенин, благоприятствовало сближению родственных народов. Тем не менее давние различия между ними оказались довольно устойчивы.

Английский этнограф Р. Е. Брэдбери отмечал существование четырех крупных племенных союзов, собственно эдо, или бини, ишанов, северных эдо, в свою очередь распадающихся на четыре подгруппы, и урхобоисоко¹⁰. У северных эдо выделяются подгруппы, в свою очередь иногда насчитывающие десятки «независимых» племен. По наблюдениям Р. Е. Брэдбери, среди северозападных эдо от деревни к деревне имеются заметные различия в словарном составе местных диалектов.

Вместе с тем, в крае весьма ощутимо воздействие современности. Оно проявляется в объединительном влиянии школы, печати и радиовещания, в умножении экономических и иных контактов между изолированными еще недавно районами. Уэдоговорящих народов сложилась интеллигенция, выражающая их устремления.

Единична ли эта картина? Отнюдь нет. Сходные, хотя и не тождественные структуры у молодых национальных образований наблюдаются во многих районах Азии и Африки.

В ряду противоречий, раскалывающих национальные общности, особое место занимает разрыв между верхами, ассимилировавшими иностранную культуру, и низами, верными своим исконным традициям. Говоря о предреволюционной России, философ Н. А. Бердяев отмечал:

«Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»¹¹.

В годы революции и гражданской войны из этого разрыва вырвались страшные духи ненависти и вражды; ликвидация культурной верхушки страны бросила трагическую тень на всю последующую историю великого народа.

В более резкой, обнаженной форме проблема существует в странах третьего мира, где европеизированные верхи и говорят на другом языке, чем низы. Привилегии верхов огромны, весь их образ жизни в корне отличен от условий существования остального общества. Правда, в третьем мире почти нигде противоречие между верхами и низами не преодолевалось столь же радикальным образом, как в России, но и там не счесть поворотов истории, которые вызывали массовую эмиграцию интеллигенции, истребление наиболее образованной и просвещенной части общества. Достаточно вспомнить события 1964 г. на Занзибаре, где свержение монарха сопровождалось истреблением едва ли не всей арабизированной верхушки местного общества. Такой путь «консолидации» этнических общностей, как правило, сопровождался их культурным и духовным регрессом при одновременном подъеме шовинистических страстей.

Внутренняя неоднородность временами порождала острейшие кризисы. Не был ни случайностью, ни результатом только внешних давлений распад после Второй мировой войны ряда, казалось бы, прочных национальных образований. И в Германии, и в Корее, и в Йемене, и во Вьетнаме социальные и идеологические противоречия в какой-то момент оказались сильнее сознания национальной общности.

Наконец, такое важное обстоятельство, как факт, что ни на одном этапе истории национальное сообщество не бывает однородным в этническом отношении; оно всегда включает представителей других этносов, людей иного языка, иной культуры. Пожалуй, наиболее замкнутыми были родоплеменные общества, где перед интеграцией чужака вырастал барьер – необходимость его признания сородичем, человеком своей «крови». Этот барьер, тем не

¹⁰ Bradbury R. E. The Benin Kingdom and the Edo-speaking Peoples of South-Western Nigeria, London, 1957, pp. 14–16.

¹¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва, 1990 г., с. 111.

менее, за одно-два поколения преодолевался. Ныне ассимиляционные процессы идут проще, хотя тоже наталкиваются на трудности. Но главное: нет нации, которая не ассимилировала бы представителей различных этносов и, очевидно, не утрачивала бы тех, кого поглощают другие нации. От соотношения этих двух противоречивых тенденций во многом зависит развитие нации, ее здоровье. Как в одном из своих интервью говорил русский историк и географ Л. Н. Гумилев, «в тысячелетних колебаниях происходит непрерывное смешивание народов. Так что нельзя говорить ни о какой «чистоте», тем более – исключительности или избранности. Этноты всегда возникают в результате контактов. В основе любого образования лежат как минимум два старых. На практике же составных частей, как свидетельствует великое множество исторических примеров, бывает гораздо больше»¹².

Через преодоление внутренней неоднородности – социальной, культурной, этнической – и происходит, по всей видимости, становление национальной общности. Ее устойчивость во многом, как показывает история, зависит от того, насколько успешно движется этот процесс. Но та же история подтверждает, что, когда стираются одни линии внутреннего размежевания, на поверхность выступают новые, ранее незаметные или не существовавшие. И все же изживание родоплеменной дробности, феодальных «пирамид», сословных, а затем и классовых барьеров образовывало как бы ступени к большей и большей национальной зрелости, ко все большей открытости, ко все большей способности сотрудничать с внешним миром, к изменению характера нации в результате все большей гуманизации межличностных отношений в ее среде.

Но вернемся к статье Сталина. Рассуждая далее над признаками нации, он подчеркивал, на первый взгляд с полным основанием, что национальная общность немыслима без общего языка. Правда, уточнял: «Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию».

Очевидность далеко не всегда выдерживает критическую проверку. Некоторые советские этнографы, размышлявшие над проблемой языка как фактора этногенеза, выделяли моменты, не укладывавшиеся в тесные рамки сталинской догмы. Академик Ю. В. Бромлей, в частности, писал: «...если исходить из идеи «общности языка» (имея в виду при этом общность одного языка) как обязательного этнического признака, то немало народов автоматически окажется за пределами этнической категории»¹³.

Он напоминал, что среди народов нашей страны значительные массы башкир, карел, эвенков считают своим родным языком русский. Есть народы, отдельные части которых с трудом понимают друг друга. Это, например, северные, восточные и южные группы китайцев. Ученый далее отмечал, что у некоторых народов существует даже несколько хотя и близких, но разных литературных языков: у мордвы – эрзянский и мокшанский, у норвежцев – риксмол, ланнсмол, самноршк¹⁴.

Это наблюдение привлекает внимание к существеннейшему аспекту взаимоотношений народа и его языка – их динамизму. При всей их устойчивости и даже консерватизме они изменчивы, текучи. В судьбах языка находит свойственная жизни этноса тенденция преодоления своей внутренней неоднородности, сращивания с другими этносами, наконец, поглощения. Если народ – центр притяжения для соседей, то его язык вырастает в средство межэтнического общения, средство распространения его культуры. И, напротив, язык народа, переживающего культурный спад, духовный разлад, вытесняется, зона его распространения сокращается.

¹² «Известия», 12.04.1989 г., Москва.

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва, 1983 г., с. 113.

¹⁴ Там же, с. 113.

Национально-этническое самосознание склонно абсолютизировать роль языка в процессе национального становления, причем за этим скрывается культ самого этноса, стремление остановить его движение на некой вроде бы высшей точке эволюции. С тревогой относится оно к ассимиляционным процессам и взрывается, если подозревает хотя бы малейший элемент насилия, вмешательства власти в их поощрение или поддержку. В этой ситуации, как правило, отмечается реально складывающаяся в обществе «иерархия» языков и агрессивно утверждается примат родного языка. Парадоксальным образом именно тогда-то и начинается торжество формула Сталина об «общности» языка как признаке нации.

Нельзя не задуматься о социальном и нравственном подтексте этого явления. Не означает ли факт существования «иерархии» языков и объективного неравенства людей, говорящих на этих языках? Разве существование в многонациональном обществе одного доминирующего языка не ставит в привилегированное положение и тех людей, для которых этот язык является родным? Ответ очевиден. Трудно не понять, почему человек, на своей родной земле вынужденный отказываться от языка своих предков, для того чтобы обеспечить успех своей карьеры, чтобы полнее выразить себя как личность в творческой деятельности, почему этот человек может испытывать ярость и негодование при ущемлении его родного языка.

И все же, если вдуматься, вопрос отнюдь не выглядит однозначным.

Вспыхнувшие в Советском Союзе в конце 80-х годов дискуссии вокруг этой проблемы шли не только на страницах научной и литературной печати, но захватили и улицу. Они обнажили как опасность государственного вмешательства в национальные процессы, так и губительность националистических крайностей. В полемике, временами обретавшей митинговые интонации, сталкивалось несколько точек зрения.

Белорусский этнограф В. К. Бондарчик, выступая на организованном журналом «Вопросы истории» «круглом столе» по национальному вопросу в СССР, рассказывал, что в его родной республике все городские школы работают на русском языке. Он говорил, что родители отказываются обучать детей на родном языке, считая, что он потерял перспективу, социальные, коммуникативные и все другие функции. По мнению ученого, в селах только 22 процента учащихся обучаются на белорусском языке, причем из них получают законченное среднее образование едва 10–12 процентов. Ученый утверждал, что «потеря языка – это один из этапов потери национального самосознания»¹⁵.

Еще более тревожную картину нарисовала, говоря о вепсах, другая участница дискуссии, карельский филолог З. И. Строгальщикова. Она сообщила, что в конце 1937 г. вся деятельность по развитию вепсской народности была прекращена. Обучение в школах стали вести на русском языке, учебная литература на вепсском языке была конфискована. Ныне вепсский бытует только в устной речи. В результате ассимиляции численность народа быстро сокращается. Если в 1939 г. вепсов насчитывалось 32 тысячи, то в 1959-м – 16,4 тысячи, в 1979-м – 8,1 тысячи¹⁶.

В течение нескольких месяцев шло обсуждение национального вопроса на страницах «Литературной газеты». Снова на первый план вышла проблема языка. Обмен мнениями, в котором участвовали писатели и ученые, подтвердил, что русификация затронула все народы Союза, сокращая зону влияния других языков. Казахский писатель С. Елубаев, в частности, говорил:

«Как Арал, ставший жертвой интернациональной безответственности, отошел от своих берегов на десятки километров, так и казахский язык, сужая сферу применения в городах республики, на сотни километров «отошел» в степь, в аулы. При двукратном росте населения

¹⁵ Бондарчик В. К. Должна жить концепция единства восточных славян. – «Вопросы истории», 5/1989 г., Москва, с. 11.

¹⁶ Строгальщикова З. И. Вепсы: история и проблемы этнического развития. – «Вопросы истории», 5/1989 г., Москва, с. 75.

почти в два раза сократился тираж книг на казахском языке. Катастрофически теряют зрителя национальный театр и кино...»¹⁷.

Эта тревога, эта горечь понятны. Но вряд ли справедливо объяснять отступление отдельных языков только коммерциализацией культуры или одним давлением властей. К тому же, если оправдано возмущение административным «продвижением» русского языка, то вряд ли можно осуждать людей, которые самостоятельно и свободно делают выбор в его пользу.

Национализм, однако, резко выступает против права выбора. Характерно, что во всех ставших независимыми республиках бывшего Советского Союза только местный доминирующий язык признается государственным, несмотря на то, что русскоязычное население во многих молодых государствах весьма велико. А латышский поэт К. Скуниекс даже выразил возмущение тем, что живущие в Латвии русские добиваются признания их языка государственным наравне с латышским.

«Оригинальное предложение», – с тяжеловесной иронией утверждал этот деятель культуры¹⁸.

В ходе дискуссии остро обозначилось одно противоречие, оказывающее сильное влияние на нравственный климат в этносе. Речь о конфликте между свободой личности и требованием этнической солидарности. На страницах «Литературной газеты» К. Катанян отмечал, что «равноправие языков, декларируемое законами, достигается на практике лишь путем насильственного принуждения изучать и использовать в равной мере языки с разными возможностями, с различными общественными функциями».

Развивая свою мысль, он утверждал:

«Желание уравнивать и права граждан, и права языков – утопия, напоминающая небезызвестную попытку скрестить картошку с помидором, чтобы и вершки и корешки стали съедобными»¹⁹.

Казалось бы, в атмосфере демократизации право личности самой выбирать, какой этнос ей ближе по языку, по культуре, должно было получить широкую и активную поддержку. Но нет. Тенденция к демократизации общественных порядков вошла в противоречие с тенденцией этносов к самоутверждению, а в ряде случаев к самоизоляции. Уже упоминавшийся латышский поэт заявил, что нужен закон о защите этноса. От кого? Очевидно, от своих собственных граждан. В журнале «Слово» филолог Т. Очирова резко критиковала академика Ю. В. Бромлея и доктора исторических наук Л. М. Дробишеву за то, что они признают право личности на свободный выбор национальности, на свободный переход из одной национальности в другую. Она гневно вопрошала:

«Но если, скажем, якут, по собственному усмотрению, вопреки сложившимся традициям жизни народа, назовет себя грузином, не будет ли такой этнический волюнтаризм сродни пресловутому проекту поворота северных рек?»²⁰.

Трудно понять, почему перспектива ассимиляции именно якута именно грузинской нацией показалась Т. Очировой столь невероятно опасной, что она сравнила ее с проектом поворота северных рек. Например, во Франции много уроженцев Индокитая, которые считают себя французами и являются таковыми в глазах закона. В Великобритании медленно, но верно врастают в английскую нацию выходцы из стран Азии, Африки, с Карибских островов. Некоторые англичане не скрывают, что относятся к этому процессу враждебно. Есть аналогичные настроения и во Франции. Но, только встав на расистскую или националистическую пози-

¹⁷ «Литературная газета», 29.03.1989 г., Москва.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Литературная газета», 19.04.1989 г., Москва.

²⁰ Очирова Т. Народность, нация, национальность. – «Слово», 2/1990 г., Москва, с. 17.

цию, можно отрицать право якута, живущего на грузинской земле и говорящего на грузинском языке, считать себя частицей грузинской нации.

В реальной жизни диктат националистических сил в вопросе о языке зачастую принимал форму грубейшего насилия. Описывая один из митингов в Молдове, корреспондент «Правды» в этой стране сообщал, что толпа яростно кричала: «Нет – русскому языку!»²¹. Министерством просвещения принимались активные меры по закрытию школ с преподаванием на русском языке. Перед психологическим нажимом толпы способен устоять далеко не всякий. Когда шумит толпа, голос отдельной личности, пытающейся отстаивать свое право выбора, право на развитие своей индивидуальности, не слышен.

Такая ситуация тем опаснее, что языковое и этническое пространства вообще в редких случаях совпадают полностью. Разрыв между ними бывает столь значителен, что начинает восприниматься этносом как угроза его существованию.

Язык – это та стихия, в которой живет мысль народа, его самосознание, это стихия, через которую осуществляется его диалог с другими народами. В зависимости от множества факторов он либо расширяет охватываемое им пространство, либо отступает перед натиском другого языка. Но и в первом, и во втором случаях вдоль всей линии этих внешних контактов образуется более или менее широкой пояс двуязычия, а иногда и многоязычия. Некоторые из тех, кто чурается этнических контактов, заявляют, что двуязычие опасно для культуры и духовного развития человека, который-де уже ни на одном языке не способен четко и ясно выразить свою мысль и утрачивает национальные корни. Не опираясь ни на один сколько-нибудь убедительный эксперимент, они, например, утверждают, что «двуязычие дошкольников может быть одной из причин появления у них заикания»²².

Вряд ли случайно подобные идеи получили особенно широкое распространение в Эстонии, где страх перед угрозой ассимиляции одно время принял патологически болезненный характер. В предельно категоричной форме, не допускающей сомнения и колебаний в отрицательной оценке фактора двуязычия, их выразил эстонский литератор Мати Хинт. Он в самом решительном тоне утверждал следующее:

«Неоспоримым фактом... являются отрицательные явления, сопутствующие двуязычию, по крайней мере, в раннем возрасте: интеллектуальное развитие ребенка может замедлиться, мышление на родном языке и общее понятийное мышление – затормозиться, порой возникает опасность речевых расстройств и так далее. Худшее, что может принести с собой бесконтрольное внедрение двуязычия, – это полуязычие, когда человек, вроде бы владеющий обоими языками, фактически не владеет ни одним: столкнувшись с чуть более сложной мыслительной конструкцией, он не способен выразить ее достаточно точно ни на одном из тех языков, которыми «владеет»²³.

Трудно поверить, что подобные высказывания делались серьезно. Ведь знание даже двух языков значительно расширяет умственный кругозор, и люди, использующие в работе два и более языков, обычно являются ферментом культурного подъема нации. Пушкин, Тютчев писали стихи по-французски. Интересно, что, когда в Советском Союзе шли баталии вокруг призрачной вредности многоязычия, в Париже состоялся симпозиум при участии 1300 филологов из 25 стран под лозунгом: «Многоязычие составляет часть прав европейцев»²⁴.

Думается, полное совпадение языкового и этнического пространств обнаруживается только на уровне племени. Ведь даже такие, казалось бы, монолитные нации, как французская или британская, включают разноразличные этнические группы. Такой признак нации, как общ-

²¹ «Правда», 28.08.1989 г., Москва.

²² «Правда», 25.08.1988 г., Москва.

²³ Хинт М. Двуязычие и интернационализм. – «Дружба народов», 5/1988 г., Москва, с. 235.

²⁴ «Le Monde», 27.04.1988, Paris.

ность языка, является, следовательно, далеко не абсолютным, особенно на высоких уровнях развития нации. Это не означает, конечно, что можно мыслить национальное существование вне языка, но исторический опыт убеждает, что язык любого народа динамично сосуществует с другими языками в границах одной нации, что зона его влияния, или его пространство, не остается постоянной, а сокращается или расширяется и может быть меньше или больше зоны расселения этноса, или этнического пространства, что каждый этнос в какой-то своей части как минимум двуязычен.

Пространство и территория

Столкнувшись с тем, что существуют разные нации, говорящие на одном языке, Сталин дополнил перечень национальных признаков еще одним – принципом общности территории.

«Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации». Почему? – вопрошал автор. И отвечал: «Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории».

Очевидность и этого наблюдения сомнительна. Исторически не общность территории является предпосылкой образования нации, а стремление этноса к самоутверждению, к сплочению его отдельных групп, часто рассеянных по большой территории, приводит к образованию целостного этнического пространства. К тому же параллельно разворачивается процесс «срачивания» соседних этнических пространств. В огромных районах мира «чистота» этнической территории – эпизод, ее мозаичная пестрота – важнейший фактор истории.

Наиболее интенсивное переплетение различных этносов наблюдается в крупных городах. Именно они служат «конечной станцией» миграционных процессов. В мегаполисах пришлый люд тяготеет к образованию более или менее закрытых гетто, но с ходом времени начинает растворяться в коренном населении.

Тесные контакты между этносами существуют в зонах распространения двуязычия. В Европе велико количество районов, где совместно проживают люди различного этнического происхождения: словаки, венгры, украинцы, русины в Словакии, румыны, венгры, немцы в Трансильвании, литовцы, поляки, русские, белорусы на Виленьщине в Литве. В этих и многих других районах этническая чересполосица существует столетия. Массовые переселения людей в современную эпоху усложнили этническую картину во всем мире, причем многонациональный характер начинают обретать даже замкнутые моноэтнические общества вроде японского, хотя там нетерпимое отношение к чужакам граничит с расизмом.

Стихийное отношение этноса к территории двойственно. Конечно, он видит в ней почву, на которой вырос, которая его вскормила. В его глазах эта земля священна. А вместе с тем, он стремится к расселению, к смешению с другими народами. Этнос, находящийся на подъеме, разбрасывает свои побеги по огромному пространству, где его права неизбежно вступают в противоречие с правами другого или других этносов. Такие конфликты часто сопровождаются чудовищными кровопролитиями, причем территориальные притязания каждого из участников драмы обычно подтверждаются ссылками на историю, на прошлое. Подобная аргументация заводит их еще дальше в тупик, ибо практически нет земель, исторически принадлежавших только одному народу; как правило, в ту или иную эпоху один этнос вытеснялся другим, тот, в свою очередь, третьим и так далее. Выход все же обнаруживается, если признать за личностью право на свободный выбор места проживания, а затем и право возникшего в ходе переселений этнического меньшинства на собственный этнический и языковой анклав. Никто не должен обладать правом изгнания «инородцев» под тем предлогом, что они «вторглись» на

чужие земли. Напротив, их права на сохранение своего языка, национальной культуры, традиций обязаны уважаться, где бы они ни жили.

Очевидно, тысячи крепчайших нитей соединяют этнос с родной землей, с окружающим его с детства пространством. Подсознательно он видит в нем сферу собственной безопасности и на вторжение туда реагирует как на угрозу своей будущности. Да и сам характер народа с ходом времени испытывает на себе воздействие окрестной природы. Н. А. Бердяев, например, неоднократно отмечал, что безбрежность российских просторов наложила сильнейший отпечаток на русский национальный характер. Он писал:

«Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта».

Это наблюдение дорого ученому, и он возвращается к нему снова и снова в нескольких своих работах. Может быть, обнажаемая им связь между ландшафтом и народной душой выглядит несколько прямолинейной, а потому неточна и спорна. Скорее, важно направление бердяевской мысли, которая там, где Сталин различает лишь «территорию», видит узел сложнейших взаимодействий.

Этническое пространство народа и само несет след его души – его трудовых привычек, его вкусов и пристрастий, его культуры. Ландшафты Франции отличны от ландшафтов Германии, и это объясняется не одними природно-климатическими различиями, но и прямым воздействием людей. Ландшафт – это всегда история народа, история его труда и исканий.

Между субъективными представлениями этноса о национальном пространстве и объективным положением вещей часто возникает разрыв. То, что этнос субъективно воспринимает как свое пространство, объективно может включать территории, принадлежащие другим национальностям, да и само являться всего лишь анклавом, иной раз значительным, на чужих землях. Этот разрыв приобретает болезненный характер там, где господствующий этнос заявляет о притязаниях на монопольный контроль над территорией, без учета прав других народов, в нарушение обычно и прав человека. Проблема всегда исключительно деликатна, ибо затрагивает самый глубинный нерв народа, его боязнь за собственную судьбу. К тому же массовые представления о связи с землей, с территорией зачастую мифологизированы, иррациональны, а потому их трудно скорректировать с помощью доводов, обращенных к разуму, к чувству реальности.

Эти факторы требуют крайне осторожного отношения ко всему, что затрагивает территорию, которую этнос считает своим «жизненным пространством». Но одновременно следует ясно видеть, что мифологизированная, вдохновляемая этническим эгоизмом позиция в конечном счете несовместима с тенденциями современной истории, мешает естественному, свободному развитию нации. И здесь вновь обнаруживается, что догматизм сталинской формулировки объективно подкреплял именно националистический подход к проблеме общности территории как признака нации, с которым смыкался на уровне массового сознания. Такое переплетение благоприятствовало сползанию к замкнутости, к отгораживанию от соседей, создавая психологический климат, который становился сильнейшим тормозом национального роста.

Элемент историзма появлялся в рассуждениях автора, когда он подходил к вопросу о роли экономических связей в сплочении нации в одно целое. В поисках примера он обратился к Грузии. По его словам, «грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок».

Далее автор уточнял: «Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое».

В этом высказывании хотелось бы отметить два момента: во-первых, возникновение нации непосредственно связывается с развитием капитализма, а во-вторых, оно обусловлено преодолением феодальной раздробленности. По мнению автора, рождение нации – это довольно позднее историческое явление. В Грузии оно отнесено им ко второй половине XIX века.

С острой критикой этого мнения на упоминавшейся дискуссии в журнале «Вопросы философии» выступил грузинский философ Н. З. Чавчавадзе. Он утверждал: «Представитель любой нации чувствует себя оскорбленным, когда ему говорят, что она сформировалась только в XIX в. Уже в IX в. у грузин было определение того, что значит быть грузином, что такое Грузия, грузинская нация. Существовало национальное самосознание, а нам говорят, что, оказывается, мы стали нацией только в XIX в. благодаря проникновению капитализма в Грузию. А в XIX в., когда здесь «возник капитализм», было, насколько я знаю, всего 3 или 4 богатых человека, которых с большой натяжкой можно назвать капиталистами»²⁵.

Вероятно, в каком бы веке ни сложилась та или иная нация, тысячелетие или всего лишь десятилетие назад, в этом нет ничего для нее оскорбительного. Вряд ли было целесообразно усложнять уже крайне запутанную и сложную проблему подобными эмоциональными, уместными скорее на митинге, чем в научной полемике, моментами. Но само по себе утверждение ученого о древности грузинской нации и его аргументы интересны. Они заставляют снова задуматься над связью этногенеза с социально-экономическим развитием, над общностью экономической жизни как одной из характерных особенностей нации.

Что же обнаруживается? Так, хотя при капитализме экономические обмены приобретают невиданную ранее интенсивность, единые экономические пространства, причем охватывающие огромные территории, возникают за века до торжества капиталистического способа производства. Еще в глубочайшей древности сложилась специализация отдельных этносов по формам экономической деятельности. Наиболее значительный пример – народы-земледельцы и народы-кочевники.

Но часто бывало, что только часть этноса монополизировала какое-то ремесло, какой-то участок экономики. В развивающихся странах такое явление наблюдается повсеместно. В результате разделения труда между этносами и возникающих между ними экономических связей образовывались огромные суперэтнические конгломераты – сообщества.

«Специализация» этносов прослеживается и в современных обществах. В Голландии со времен Средневековья сохраняется монополия местной еврейской общины на обработку алмазов. Во Франции выходцы из Туниса удерживают значительную часть розничной торговли зеленью. В Объединенных Арабских Эмиратах пакистанцы – это основной костяк офицерского корпуса, тогда как афганцев используют преимущественно на земляных работах.

В разные времена в разных регионах мира экономическая «специализация» этносов играла, по-видимому, далеко не одинаковую роль в образовании единого полиэтнического экономического пространства. Где большую, где меньшую. Вместе с тем, при изучении собственно этнического экономического пространства следует учитывать консолидирующее влияние такого фактора, как разделение труда между земледельцами, ремесленниками, торговцами, военными, жрецами, у многих народов, образовывавших касты, которые в своей совокупности составляли единый социально-этнический организм. Разделение труда было прочным основанием собственно этнического экономического пространства, в границах которого на почве

²⁵ Чавчавадзе Н. З. Нужна адекватная теория нации. – «Вопросы истории», 5/1989 г., Москва, с. 58.

родоплеменных представлений возникала идея надплеменного единства, питавшаяся мыслями об общности «божественного» происхождения, о кровной близости.

Этнос вступал в историю и самодовлеющей экономической единицей, и частицей широкого экономического объединения. В зависимости от того, какой способ производства становился господствующим в границах этнического союза, менялись как формы взаимодействия различных этносов, так и формы социально-экономической организации занимаемого каждым из них пространства. Капитализм вносил в этот процесс стремительность, радикализм, беспощадность, которого тот был лишен раньше, но не менял двух его основных направлений, с одной стороны, способствуя образованию этнически замкнутых рынков, а с другой – включая такие экономические зоны в более сложные союзы, конгломераты, блоки. В сущности, от эпохи к эпохе изменялись степень однородности этноса, характер его экономического фундамента. Однако же, сложившись, он долго сохраняет свои основные характеристики.

Хотя языковое, культурное и экономическое пространства этноса полностью почти никогда не совпадают, всегда есть зона, где такое совпадение – реальность, и где находится его устойчивое жизненное ядро. Такое ядро обладает огромной силой притяжения. Занятая им часть этнической территории воспринимается народным сознанием как колыбель нации. Оказавшиеся от него оторванными группы продолжают видеть в нем прежде всего свою историческую родину. В конечном счете, когда значительные культурные, социальные и экономические перемены происходят в этом ядре, они постепенно, как круги по воде, охватывают все части этноса.

Привычка делать акцент на противоположности классовых, и прежде всего классовых экономических, интересов мешала в полной мере оценить значение факторов, которые цементировали общество, объединяя людей. Та же привычка заставляла забывать, что, в конечном счете, любой способ производства не только раскалывает общество на классы, но и цементирует общество, соединяя эти классы в некую органическую целостность на базе чувства солидарности. По мнению И. В. Сталина, буржуазии принадлежит главенствующая роль в сплочении этноса, в разрушении разделяющих его внутренних перегородок, и это представление отвечает марксистскому видению буржуазии как ведущей силы экономического развития. Однако односторонность этого подхода явственна. Этнические общности складывались задолго до появления капитализма на мировой арене, и их судьбы не зависят напрямую от его будущности.

Правда, капитализм дает мощный импульс этнической культуре, этническому самосознанию, благоприятствуя превращению этноса из образования, закрытого разнообразным контактам с другими народами, в образование открытое. Процесс гуманизации общественного сознания, его развития в сторону большей этнической терпимости, несмотря на многочисленные и временами страшные по своим последствиям сбои, приобретает небывалый размах.

Раскрепощение личности

Сталин не поставил вопрос о существовании различных типов нации, различных типов этноса. Возможно, в его глазах он имел второстепенное значение, отодвигался на второй план необходимостью решения более общей задачи – определения того, какие внешние признаки отличают нацию. Но, очевидно, эта общая задача не может быть решена без первой. В то же время существует прямая связь между положением личности в обществе и типом этноса, к которому эта личность принадлежит. Интересно отметить, что ни Сталин, ни большинство его оппонентов не принимали во внимание этот аспект национального развития.

О зависимости, существующей между степенью развития личности и состоянием этноса, красноречиво свидетельствует, в частности, советский опыт. Конечно, жизненный путь каждого человека индивидуален, и все же было несколько особенностей советской действительно-

сти, оказывавших единообразное воздействие на миллионы людей. Скажем, рабочий, которого официальная идеология провозглашала хозяином страны, на самом деле был почти полностью отстранен от дел государственных. И это было не единственное противоречие в его судьбе. На предприятии он, номинальный владелец средств производства, чувствовал свою полную от них отчужденность. Рабочий, занятый будто бы свободным трудом, часто ощущал себя закабаленным, угнетенным и эксплуатируемым. В мире официально провозглашенного равенства он видел вокруг себя людей, наделенных привилегиями, причем одной из самых существенных была привилегия бездельника получать такую же ставку, как и честный труженик.

Двойственность ситуации, в которой находилась личность рабочего, благоприятствовала постепенному распаду нравственности. Пьянство, воровство, хулиганство, цинизм подтачивали нормы общественного поведения, разлагали рабочий класс. Но этот процесс затрагивал далеко не всех в равной степени; какая-то часть советского пролетариата сохраняла верность традиционным этическим ценностям, наглухо замкнувшись перед натиском официальной пропаганды.

Не менее мучительно воспринимал двойственность собственного положения интеллигент, находившийся в полной зависимости от государственной машины. Отчетливо видя, как далеко расходятся слово и дело, он был лишен возможности изменить положение. Если же решался на такую попытку, то вступал в конфликт с системой и обычно бывал ею раздавлен. На более высоком уровне размышления, и он, как рабочий, начинал отвергать официальную идеологию. Тоталитаризму государственно-политической системы он почти автоматически противопоставлял демократию, а лозунгам интернационализма – обращение к национальным истокам, призывы к возрождению национальной культуры.

В атмосфере повседневной лжи и неуважения к человеку, под воздействием окружавшей человека на каждом шагу политической демагогии деформировалось самосознание народа. Нравственное разложение общества сопровождалось загниванием и вырождением культуры, где естественное чувство национальной гордости постепенно вытеснялось грубой агрессивностью и надменным самодовольством. Национальное самосознание перерождалось, выделяя шовинизм, ксенофобию. В характере народа на первый план выступали отрицательные свойства – нетерпимость, высокомерие, нравственная слепота. Это были глубоко чуждые исторически сложившемуся русскому национальному характеру тенденции.

Постепенно формировался тип нации, наделенной крайне противоречивыми чертами. Незрелость личности проявлялась в слабости связей, возникавших между людьми, в ослаблении чувства солидарности. В атомизированном обществе не существовало прочных социальных структур. При любом ограничении внешнего по отношению к нации государственно-политического контроля появлялась опасность дестабилизации всей государственной машины. Если национальные интересы есть хорошо понятые и сбалансированные интересы всех составляющих нацию общественных слоев и групп, то понятно, почему для этого типа нации характерна неразработанность национальных интересов, формируемых к тому же правящими кругами без учета мнений общества и легко пересматриваемых в зависимости от сдвигов конъюнктуры. Тяготеющие к обособлению региональные, местнические движения легко разрывали непрочные социальные, культурные, экономические связи внутри нации. Ее развитие замораживалось.

В странах третьего мира на процессы национального развития огромное деформирующее воздействие оказывает, в частности, закабаленность женщин. Иногда приходится слышать, что те сами не восстают против ущемления своих прав, смиряются с исторически сложившимся неравенством. Но это неверно, хотя влияние древних представлений о месте женщины в обществе и оказывает на нее сильнейшее влияние. К тому же в повседневной жизни существует разделение трудовых обязанностей, которое, закрепляя приниженное положение женщин, обеспечивает им, тем не менее, определенную роль в общественной и хозяйственной

жизни, которой они дорожат. Что усложняет женскую судьбу, так это давление варварских пережиточных порядков, жертвой которых она становится, поскольку мужское превосходство в условиях этого варварства приобретает особенно бесчеловечные, жестокие и унижительные формы.

Выдающаяся писательница Таслима Насрин, оказавшаяся вынужденной покинуть свою родину, Бангладеш, чтобы укрыться от преследований со стороны религиозных фанатиков, в одном из своих интервью рассказывала о судьбе женщин на своей родине, вспоминая собственный жизненный опыт:

«В нашем детстве моей сестре и мне, в отличие от мальчиков, запрещалось проявлять интерес к внешнему миру. Все наше воспитание подчинялось одной задаче: научить нас прислуживать. Оставаться дома, готовить еду, вести хозяйство. В юности я восстала против всего этого, задавая самые простые вопросы: почему мои родители не обучали тому же моих братьев? Почему они мне говорили, что я просто обязана научиться готовить для будущего мужа, хотя я и занималась заметно лучше братьев?»

К тому же я видела у соседей избитых женщин, женщин в слезах, мужчин, разводящихся из-за пустяка, брошенных жен, вынужденных возвращаться к отцу, где наталкивались на враждебность братьев. Если я все-таки получила разрешение продолжить учебу, то потому, что мой отец был человеком образованным, врачом. Но сколько моих одноклассниц было лишено этой возможности? И даже в тех случаях, когда они могли учиться и дальше, им редко позволяли подниматься выше начальной школы. Лишь бы иметь возможность предложить мужу чуть образованную жену. Девушкам никогда не дозволяется продолжать образование ради их собственного развития. Родители отнюдь не мечтают увидеть их независимыми, а лишь желают найти им хорошего мужа»²⁶.

По словам Таслимы Насрин, благодаря деятельности общественных организаций женщины в деревнях начинают пробуждаться. Они выходят из своей изоляции, ищут работу, добиваются финансовой самостоятельности. Но фундаменталисты не терпят их независимости, осуждают их в фетвах, иногда убивают.

Писательница делилась мыслями: «Религия пытается навязать своего рода слепоту, пассивность, запрещая задавать вопросы. Когда еще ребенком я нарушала это правило, моя мать объясняла мне, что «так не делается».

Писательница также отмечала, что семейное право, регулирующее брак и наследование, ставит женщину в невыгодное положение. «Его следует изменить», – говорила Таслима Насрин, высказывая мнение, что «ни в одной цивилизованной стране не должно официально сохраняться исламское право».

Неравенство мужчин и женщин – это источник внутренних конфликтов, которые подтачивают этнос изнутри. В конечном счете не может такое положение не сказываться и на его нравственном здоровье. Нынешний подъем фундаментализма практически во всех мусульманских странах в значительной степени является своего рода «идеологической» реакцией на стремление женщин к эмансипации, к равноправию, что истолковывается определенной частью местного общества как результат внешних влияний. В Иране после свержения шаха были сразу же приняты жесточайшие меры по пресечению женской эмансипации. Торжество мусульманских фанатиков в Афганистане также сопровождалось отменой всех принятых прежними властями мер по защите женщины, по ее обучению, приобщению к современной культуре.

К тому же, разве может этнос, допускающий неравенство в собственной среде, относиться лучше к чужакам, к «иностранцам»?

²⁶ «Le Monde», 18.10.1994, Paris.

Как видно, недопустимо отрывать историю нации от истории отдельного человека, судьбу нации от судьбы личности. Там, где та подавлена и бесправна, и нация «заболевает». Напротив, если для развития личности, причем в осознании общности ее интересов с интересами нации, существуют благоприятные условия, это незамедлительно – и положительным образом – сказывается на жизненной силе всей нации. Вот почему проблема женской эмансипации в странах третьего мира, особенно в странах Азии и Африки, – это важнейшая составная часть более широкой проблемы прав человека и проблемы здорового национального развития. От реального прогресса в этой области во многом будет зависеть как нормализация климата внутри этносов, так и нормализация их взаимоотношений.

Внимание к личности неизбежно заставляет взглянуть на нацию изнутри. Такой подход представляется более плодотворным, чем механическое перечисление ее внешних признаков. Да и сами они оказываются соединенными между собой органично, как свойства одного социального организма. Обнаруживается и их постоянное взаимодействие, причем последний в сталинском перечне признаков нации – ее психический склад, проявляющийся, по словам Сталина, в общности культуры, – находится в фокусе такого взаимодействия.

Сталин подчеркивал: «Конечно, сам по себе психический склад, или как его называют иначе – «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, – он уловим и не может быть игнорирован». Представляется, что наряду с языком именно культура – главное определяющее своеобразие этноса начало. Но и здесь не все так ясно, как кажется на первый взгляд. Ю. В. Бромлей высказывал мнение, что существует различие между этнической культурой и культурой этноса, предупреждая от смешения этих двух понятий. Он отделял этнически специфическое от культуры в целом. Не граничит ли, однако, столь тщательное отмежевание специфического, узкоэтнического от основного ствола национальной культуры со схоластикой? Хотя в любой культуре имеются элементы общечеловеческие, присутствуют элементы заимствованные и есть сугубо национальные, свойственные исключительно данной национальной культуре, все они в равной степени неизбежно проходят через национальное сознание и приобретают черты, свойственные только данному народу. Культура энергично ассимилирует внешние влияния, превращая чужеродное в национальное, родное.

Другая сторона, в сущности, той же темы – вопрос о двух культурах в одной нации. Он возник на почве сугубо догматического толкования «священных текстов марксизма-ленинизма», в частности, известного утверждения В. И. Ленина, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре», параллельного его же утверждению, что «есть две нации в каждой современной нации»²⁷. Там, где В. И. Ленин лишь подчеркивал, как важно учитывать классовое расслоение общества, способное в определенных условиях взрывать изнутри национальное единство, схоласты пошли на абсолютизацию культурных различий между классами до такой степени, что поставили под сомнение само существование общенациональных культур.

Это была аберрация мысли тем более опасная, что какая-то доля правды в ней заключалась. В любой национальной культуре заметны социальные межи, иногда обозначенные очень явственно.

В русском обществе дворянство говорило на французском языке, наверное, бессознательно отгораживаясь от массы простого люда. В странах третьего мира французский, английский, португальский по сей день служат барьером, стоящим между привилегированными слоями и остальным обществом. Знание иностранного языка было к тому же признаком европеизации. Разрыв между культурой верхов и культурой низов в развивающихся странах породил немало острых конфликтов.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

И все же такой разрыв никогда не бывал полным. Более того, великие творения литературы и искусства, созданные выходцами из привилегированных, европеизированных слоев общества, в конечном счете, приходили к народу. В своем внутреннем развитии культура разрушала классовые, социальные барьеры, одновременно расслаиваясь по уровням интеллектуальной насыщенности на жанры и направления, апеллирующие к отличающимся друг от друга скорее степенью духовного роста, чем социальным положением, категориям общества. И оставаясь, тем не менее, общенациональной. Эта реальность отнюдь не соответствовала, в сущности, мифологизированному истолкованию истории, согласно которому «поднимающийся класс» должен ликвидировать класс, находящийся у власти, а в сфере духовной жизни культуре этого класса-победителя следовало вытеснять, разрушая без остатка, как будто бы враждебную, культуру побежденного класса. Схоласты-начетчики долгое время нарочито старались не замечать того, что в обществе доминирует процесс его все большего внутреннего усложнения, своеобразной «миниатюризации» становившихся самодовлеющими социальных групп, постоянного изменения их удельного веса в национальных структурах. Такое общество нуждалось для самовыражения и самопонимания в противоречиво многообразной культуре, широко открытой внешним влияниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.